

НИКОЛАЕВА Т. М.

КОММУНИКАТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Суть лингвистической концепции, излагаемой в настоящем обзоре, сводится к тому, что в центре внимания исследователя оказывается человек, говорящий, его коммуникативные установки, которые играют решающую роль в процессе развития и изменения языка. Концептуальная программа этого направления имеет предшественников. Ими в первую очередь можно считать Ф. Боппа и В. Гумбольдта, О. Есперсена, Э. Сепира, а в советском языкознании И. И. Мещанинова, В. И. Абаева, М. М. Гухман, С. Д. Кацнельсона (особенно их работы, относящиеся к тридцатым годам); более подробно о разработке синтаксических проблем в советском языкознании 30-х годов см. [1]). Но, по-видимому, непосредственным предшественником указанного направления можно считать Д. Болинджера, поскольку именно он в последние десятилетия активно выступал против хомскианства, призывая к «человеческому» подходу в описании развертывания высказывания¹. Анализируемое направление представлено, на наш взгляд, довольно полно в [3—7]². В аспекте асинхронного подхода к синтаксису советский читатель уже имел возможность познакомиться с этим направлением [10—12].

Пафосом большинства указанных работ является идея единого направления процесса языкового развития, общего для языков родственных и неродственных. Эволюция языка связывается с развитием человеческого мышления, с расширением человеческих знаний о мире и его объективных свойствах. Поэтому те принципы, согласно которым осуществляется развитие языковых систем, универсальны и естественны (natural). Конкретная реализация принципов языковой эволюции строится на законах человеческой коммуникации, в широком смысле дискурса, центром коммуникации и основной точкой отсчета признается говорящий человек [13]. Именно поэтому языки, генетически не родственные, могут совпадать типологически, а языки родственные — расходиться. Аналогичную мысль ранее высказал Э. Сепир: «... историческое изучение языков вне всяких сомнений доказало нам, что язык изменяется не только постепенно, но и последовательно, что он движется бессознательно от одного типа к другому и что сходная направленность движения наблюдается в отдаленнейших уголках земного шара. Из этого следует, что неродственные языки сплошь да рядом самостоятельно приходят к схожим в общем морфологическим системам» [14].

Представители анализируемого направления не высказываются критически по отношению к исследованиям сравнительно-историческим, но, как очевидно, они стараются найти другой путь, отталкиваясь от него: не реконструкция, но развитие некоторых феноменов, относящихся к сфере коммуникативно-познавательной деятельности человека. Естественно,

¹ О работах этого американского лингвиста, резко отличавшихся от модной в свое время трансформационной теории, которую он называл «лингвистическим инженерством», сообщалось в нашем специально ему посвященном обзоре, опубликованном на страницах журнала «Вопросы языкознания» более двадцати лет назад [2]. Уже тогда его интерес к человеку как автору-творцу линейно протяженной речи, постоянный призыв к описанию языковой реальности был вполне отчетлив, в связи с чем концептуально он уже тогда «стоял особняком» [2, с. 143].

² Поскольку концепция Т. Гивона вызвала большой интерес [8, 9], в дальнейшем на его работах и взглядах мы остановимся подробнее.

что в пределах языковой системы в наибольшей степени коммуникативно значим синтаксис, высказывание является аренной реализацией дискурсивных (речевых) изменений. Предполагается, что метод реконструкции протофактов здесь не приложим, поскольку синтаксические модели в их различии не сводятся к единой, архетипической модели [15]. Предполагается, что наиболее архаичный порядок слов в высказывании параллелен развертыванию действия в реальной ситуации. Ни в одной из анализируемых работ в связи с этим положением не упоминается известная работа Р. Якобсона [16], хотя именно Р. Якобсон назвал данный порядок слов иконическим (о древности такого способа линейного развертывания мысли см. также у М. М. Гухман [17]). На смену этому первичному способу представления действительности в высказывании, как показывается в анализируемых работах, приходит развертывание по правилам грамматики данного конкретного языка. Таким образом осуществляется переход от прагматического описания к собственно языковому («синтактизация» [6, с. 207]). При синтактизации происходит как бы «сжатие» речевой единицы, превращение ее в синтаксически языковую. Этот процесс объясним и филогенетически, и онтогенетически. В свою очередь синтаксические структуры модифицируются, «эрозируются» возникающей флективной морфологией. Возникает циклический процесс: «дискурс > синтаксис > морфология > морфонемика > нулевой исход цикла» [6, с. 209]. Какими же средствами осуществляется синтактизация? Одно из основных средств при этом — так называемый «реанализ», т. е. переформулировка, добавление или исчезновение компонентов поверхностной структуры [18]. Это значит, во-первых, что одни компоненты могут как бы «переклеиваться», «прилипать» к другим частям высказывания: например, не к правому, а к левому элементу; во-вторых, они могут получать новую грамматическую интерпретацию. Например, показывается, что в уто-ацтекских языках суффикс притяжательности первоначально понимается как показатель экзистенциальности, а потом уже приобретает глагольное значение «иметь». Получается как бы серия типа: *His N is* → *He has his N* → *He has a N* [18, с. 97]. Естественно, что при таком подходе одним из ведущих феноменов синтактизации является глагольная флексия, понимаемая как конденсированный именной компонент, десемантизированный и слившийся с глаголом (ср. идеи Ф. Боппа). Глагольная флексия может быть ориентированной на субъект: *The man, he came* → *The man — he, came*; она может быть ориентирована на объект: *The man, I saw him* → *I saw him, the man* → *I saw — him, the man* [13]³. Процесс включения местоименного форманта в глагольную конструкцию имеет прежде всего коммуникативное объяснение: используется понятие анафорики, много внимания уделяется бессубъектным высказываниям⁴.

Как уже говорилось выше, исходная позиция эволюционного цикла — это дискурсивное описание мира, названное Т. Гивоном «прагматическим кодом». Согласно анализируемой концепции, на уровне прагматического кода структуры разных языков представляются единообразными по модели. Различие способов синтактизации создает синхронно-типологическую дифференциацию этих структур. В прагматическом коде корреляция формы и элементов содержания максимальна. Ее основные черты: 1) движение порядка слов от толика к комментарию⁵; 2) свободная (loose) сочинительная связь, т. е. отсутствие подчинительных конструкций; 3) соотношение именных основ при глаголе минимально, примерно 1 : 1; 4) отсутствие

³ Английский язык в данных работах является как бы «подстрочником». А. Е. Кибрик [1] уже отмечал типичную для 70-х годов тенденцию американских авторов брать в качестве объекта анализа «экзотические» языки.

⁴ Неясным в этой концепции остается вопрос о мене линейного порядка, потому что при простой редупликация субъекта-толика в последовательности SV местоимение должно стать префиксом глагола, а не флексией. Для решения же этого вопроса при порядке SOV В. Леман предполагает, что глагольная флексия возникает после перехода от OV к VO [19, с. 456].

⁵ Нельзя не отметить удачность такого перевода в [10], поскольку термины «тема» и «рема» дезориентировали бы русского читателя, напоминая об актуальном членении высказывания в принятой традиции.

флексивной морфологии; 5) наличие особой интонации: низкий фокус на топике, затем — переход к мелодическому повышению на комментарии; 6) минимальность анафорики и, соответственно, зачаточное состояние местоимений как категорий. Этот прагматический способ говорения, как пишет Т. Гивон, не исчезает, а сосуществует с новым, синтактизованным. Прагматический код близок по своей структуре к детской речи, к речи в свободной, не скованной ситуации; на нем изъясняются и плохо знающие язык иностранцы. Поскольку движение языка от прагматического способа к синтаксическому осуществляется постепенно, элементы того и другого всегда есть в языке, но в меняющихся пропорциях. Поэтому по сути каждый язык типологически эклектичен (*mixed typology*). Действительно, можно заметить, что многие высказывания, приводимые в исследованиях по русской разговорной речи (вроде *Туфли Югославия/магазин Белград/там купила*), вполне соответствуют примерам на прагматический код, приводимым Т. Гивоном. Несмотря на типологическую эклектичность каждого языка, можно, в соответствии с этими критериями, разделить языки на топики-подчеркивающие (выдвигающие топик — *VT* и субъектно-подчеркивающие (выдвигающие субъект — *VS*), как это сделано в ставшей сейчас широко известной классификации Ч. Ли и С. Томпсон [10]. Эта классификация предлагается как синхронная, но характерно, что ее авторы говорят о циклическом движении от *VT* к *VS* и обратно, отмечая новые компоненты языковой структуры на каждом этапе цикла. Даже в древних языках, например, в хеттском, специально отмечается мена типа «от *VT* к *VS*», причем топики-образующий элемент *ku-* преобразуется в неопределенное и вопросительное местоимение [20]. Итак, и эта, синхронная классификация по существу есть классификация движения, что характерно для всего рассматриваемого направления в целом.

В связи с этим существенно определить функциональные причины синтактизации. В качестве основной называется стремление конденсировать смысловую насыщенность высказывания в единицу времени, т. е. за одно и то же время произнесения высказывания углубить его семантику, сделать высказывание «многоканальным», передав воспринимающему больше «смысловых строк» в одной и той же линейной последовательности. Поэтому неслучайно в одном из анализируемых сборников помещена статья о структуре языка глухонемых *ASL* (*American sign language*), выработанном на базе английского языка [21]. В силу специфики осуществления коммуникации абсолютная скорость *ASL* меньше естественной речи в 1,8 раза. Поэтому *ASL* ближе английского к смысловой агглютинации, причем развертывание начинается от топика. В этом языке не наблюдается анафорических замен, нет неопределенных местоимений — такой язык как бы первичен по своей сути и не может быть синтактизован.

Суммируя взгляды привлекаемых авторов, можно следующим образом обобщить разделяемую ими концепцию. 1) Флексивная морфология есть результат «склеивания» глагольной или именной основы с местоимениями и именами, ставшими местоимениями, а также — для аналитических форм — с десемантизованными глаголами; 2) развитие местоимений как таковых связано с активным развитием понятия анафорики, с явлением кореференции, т. е. с усложнением сообщаемого текста; 3) сама возникающая потребность в развитии уже предполагает мену топика. Таким образом, в пределах текстов первичных, с редко меняющимся топиком (последовательный рассказ о поступках одного человека, без временных и персонажных отклонений), возникают более сложные тексты с делением деятелей на старых и новых, дифференцируемых через местоимения; 4) новые имена необходимо каким-то специальным способом вводить в повествование. Для этого используются экзистенциальные конструкции с инициальным *V*: *Жил-был король*; 5) за именем старого деятеля (анафорическим) закрепляется первая позиция (начальная). Возникают конструкции *SV*, где *S* часто выражается местоимением; 6) из разделения имен концептуально на новые и упомянутые вытекает следующее важное положение: топик не обязательно тождествен агенту, он может быть и пациенсом, и объектом. Так возникает различие топика и субъекта; 7) за закреп-

лением в языке порядка слов с анафорой в начальной позиции следует закрепление и более общей идеи порядка слов: более «топическое» передвигается влево, к началу. Порядок слов, линейная схема позиций становится ядром дискурсивных изменений; 8) потребность в синтактизации, в конденсировании смысла высказывания связывается непосредственно с расширением воспринимаемого мира, с пониманием его объема и его истории. Поэтому — для ученых, работы которых рассматриваются в настоящем обзоре, — важным является и социальный статус изучаемого языка, активность его исторического развития и давность и/или значимость его литературно-культурной традиции. Очевидно, судя по представленному нами суммарно перечню основных концептуальных позиций, в излагаемом направлении есть, с одной стороны, и наследие Ф. Боппа, а с другой стороны, и наследие О. Есперсена. Недаром Дж. Грин назвал книгу Т. Гивона «есперсенианской» [9].

Все изложенные выше идеи сами по себе не новы. Однако более новой и важной представляется другая сторона обсуждаемой теории: собственно дискурсивно-коммуникативный аспект, применяемый к изучению парадигматических наборов. Оказывается, что если встать на позиции говорящего, то коммуникативная значимость отдельных членов одной и той же парадигмы различна. Эта значимость определяется ролью тех или иных элементов в человеческом общении. Поэтому существуют значительные различия в хронологии изменений членов одной парадигмы. Иными словами, всякая категориальная парадигма возникает хронологически не сразу, а по частям (ср. сходные идеи и в других по направлению работах [23]). Например, не происходит становление надежной парадигмы вообще, а возникают формы падежа х у имен с лексико-грамматическим значением у и т. п. Возникающие инновации связываются в этой концепции с конструкциями частыми и важными, не содержащими уже известного, пресуппозитивного материала. Такими конструкциями являются повествовательные главные предложения, утвердительные. Действительно, предложения *Моя жена не купила себе пальто; Вот дом, который построил Джек; Почему Вы вчера это сказали?* уже содержат в себе известные пресуппозиции: жена собиралась купить себе пальто; Джек построил дом; вчера было нечто сказано. Поэтому синтаксис главного предложения более «склонен» к инновации, а синтаксис придаточного более архаичен. Отметим в связи с этим, что более сложный синтаксис отрицания плохо усваивается детьми (действительно, известны затруднения у детей при использовании конструкций типа *Он не мог не сказать; Нельзя не поверить* и т. п.).

Предлагается следующая коммуникативная иерархия имен по важности для говорящего: «говорящий > слушающий > имя собственное > имя нарицательное > имя-название животного существа > имя-название неодушевленного объекта > (локация)» [22]. В соответствии с этим однопольное языковое изменение осуществляется на разных временных этапах. Так, А. Тимберлейк показывает дискурсивно обусловленное различие выбора винительного или родительного падежей для русских глаголов, допускающих оба падежа в управлении. Винительный падеж, по его наблюдениям, тяготеет к выражению индивидуализации. Поэтому чем индивидуализированнее имя, тем больше у него шансов быть оформленным через винительный падеж. Отсюда: а) имя собственное индивидуальнее нарицательного: *Ой, что ты?* $\overset{\sim}{\text{Лену}} / \underset{\sim}{\text{жену}}$ $\overset{\circ}{\text{Лень}} / \underset{\sim}{\text{жены}}$ *пугаешься?* ⁶; б) обозначение человека индивидуальнее обозначения одушевленного существа вообще, а оно в свою очередь индивидуальнее неодушевленного объекта: *Все боялись* $\overset{\sim}{\text{дядю}} / \underset{*}{\text{дяди}}$ $\overset{\circ}{\text{медведицу}} / \underset{?}{\text{медведицы}}$ $\overset{*}{\text{эту машину}} / \underset{\circ}{\text{этой машины}}$; в) поэтому более индиви-

⁶ Знак $\sim$ обозначает предпочтительность употребления, знак $\circ$ — возможность употребления, знак ? — сомнительность этой возможности, знак * — маловероятность такого употребления.

дуализированные конкретные имена принимают вин. падеж. скорее, чем абстрактные: *Я ожидал* $\frac{\text{твое письмо}}{\text{твоего письма}}$; *Он ждал* $\frac{\text{его уход}}{\text{его ухода}}$; г) единственное число доминирует над множественным: *Мы ищем* $\frac{\text{легкий путь}}{\text{легкого пути}}$ $\frac{\text{легкие пути}}{\text{легких путей}}$; д) определенный объект скорее будет в аккумулятиве, чем неопределенный: *Я столько времени ждал* $\frac{\text{это письмо}}{\text{этого письма}}$; *Мать ждала* $\frac{\text{письмо}}{\text{письма}}$ *от сына.* А. Тимберлейк многократно подчеркивает гра-

дуальность синтаксических изменений, их коммуникативно-дискурсивную обусловленность [24]. Это эволюционное расслоение парадигм разных классов подчеркивается и в других трудах анализируемого направления [25—28].

Интересным, по нашему мнению, является трактовка процесса языковой эволюции как комбинаторного воздействия явлений, относящихся к разным языковым пластам и категориям, но действующим в одном направлении. Наиболее показательной в этом отношении представляется статья Т. Гивона о причинах смены порядка слов в древних текстах [29]. Это движение (от типа VS к SV) связано, по его мнению, со степенью топикальности (известности) субъекта. Она увеличивается по шкале «от экзистенциальной конструкции — к неопределенному имени — к определенному имени — к анафорическому местоимению». Поэтому экзистенциальная структура предпочитает синтаксис VS, а анафорическая — SV. Т. Гивон рассматривает хронологически различные древние тексты сакрального характера. В более ранних текстах преобладает имперфект и порядок VS. В категориальном значении имперфекта доминирует континуальность, высказывания связываются через *и*, ткань повествования однопланова. По мере развития кругозора носителей языка ткань повествования меняется, происходит частая смена топика. Идентификация актанта может быть затруднена, поэтому важной становится активно вводимая анафорика, SV связывается с появлением нового топика и возникновением неимперфектных форм. Первоначально коммуникативные изменения грамматикализуются: SV-структура становится возможной и при имперфекте, а континуальность входит в категориальное значение не только имперфекта, но и перфекта. Взаимодействие всех указанных выше факторов описано Т. Гивоном [29, с. 187]. Итак, анафорика связывается с переменой точки зрения на мир, с возможностью создавать нечто вроде внутреннего цитирования и самоцитирования, с богатством или бедностью семантического потенциала антецедента; инициальная позиция местоимения зависит от некоторого неформального распознавания чего-либо как близкого или далекого. Для синхронного состояния подобные ситуации рассматривает Д. Болинджер [30], критикуя, однако, поверхностный анализ кореференции, представленный во многих работах по структуре текста.

Комплексные изменения грамматических показателей под воздействием коммуникативно-прагматических установок особенно часто разбираются в анализируемых работах на примере следующей связи явлений: 1) пассивной структуры; 2) пассива; 3) перфекта с *иметь* или с *быть*; 4) эргативной конструкции. Становление эргативных языков в их отношении к неэргативным описывается во многих работах указанного направления [31—33, 27]. Значимость именно эргативности при коммуникативном подходе к языковым изменениям в свою очередь убедительно показана в [12].

Очевидно, что все эти градуальные комплексные процессы происходят как результат коммуникативной установки, при создании высказывания, а само высказывание реализуется на линейной оси. Поэтому основной ареной дискурсивных изменений и, соответственно, основным объектом анализа этого лингвистического направления является расположение элементов, т. е. порядок слов. Постулируемый общий принцип сводится к переходу от SOV к SVO для языков развитых традиций (languages of

civilisation). Однако при более внимательном рассмотрении можно увидеть и различия в пределах той же концепции. Например, 1) $V_{\text{иниц}}$ и SOV первоначально были исходными и равноправными структурами; 2) VSO — это промежуточный этап; 3) важен только один переход: от SOV к SVO; 4) S вообще несущественно, важен лишь порядок OV (более старый) или порядок VO [19, 26, 29]. При этом VSO и $V_{\text{иниц}}$ как бы молчаливо идентифицируются. На самом деле несомненно, что далеко не всякое V начальное есть VSO. Скорее, напротив, начальное V часто бывает представлено при статальном описании с безобъектной структурой (*Наступила весна* и т. д.). Таким образом, из работ американских лингвистов указанного направления не всегда можно определить, какая именно структура — трехчленная или двучленная — стоит за индексацией SV или $V_{\text{иниц}}$. Между тем это структуры, различные и синтаксически, и семантически: *Человек умер* или *Человек купил книгу*. Далее, в выделяемых трехчленных конструкциях не находится места вводящему обстоятельству, хотя, как мы знаем, именно наличие или отсутствие обстоятельств во многом определяет весь порядок слов. Недаром в концепции актуального членения предложения такое большое место занимает теория «кулис».

Подлинную сложность выявления диахронических этапов эволюции порядка слов можно увидеть в небольшой, но очень важной и интересной статье С. Стил [34], трактующей причину передвижения безударных клитик на второе место. Автор показывает нерешенность ряда исходных вопросов, в частности: 1) можно ли считать изначальным процессом превращение местоименных форм в безударные и их продвижение в этом качестве на второе место или сама позиция на втором месте по сути своей безударна (тогда неясно, почему на втором месте могут быть полнозначные формы); 2) почему клитики обязательно должны занять второе место (автор допускает цикличность этого процесса).

В изложенной концепции, по существу единой, хотя и варьирующейся в зависимости от материала и от автора, есть много положений, на наш взгляд, заслуживающих серьезного обсуждения. Интересным представляется прежде всего как бы обратный поворот стрелки исследовательского внимания, т. е. движение не от настоящего к прошедшему, а от прошедшего к настоящему и будущему. Таким образом, идет не поиск реликтов древних состояний в состояниях более поздних, а в более ранних срезах ищут то, что потом оказывается доминирующей структурой. В связи с этим возникает задача — понять, как и почему в языке зарождаются те или иные структуры. Поэтому, например, и диалектные данные, отличающие диалект от литературного языка, можно рассматривать двояко: как ценнейшие показатели того, что литературный язык утратил, или, напротив, как свидетельства того, чего диалект не смог приобрести. И тогда можно задуматься над тем, какие компоненты первичной общности литературный язык постепенно отбрасывает. В связи с этим можно попытаться построить новый тип эволюционной типологии.

С этим связан второй, соотносящийся с первым вопрос. Говоря о литературном языке в синхронии и диахронии, мы на самом деле обычно оперируем двумя принципиально несоотносимыми величинами. В настоящем литературный язык — это язык академических грамматик, противопоставленный просторечию, социальным жаргонам, территориальным диалектам, т. е., условно говоря, это язык значительной группы лиц, обладающих максимальной возможностью вербального воплощения коммуникативных намерений. В отношении же к прошлому история литературного языка обычно превращается в описание срезов, восстанавливаемых по текстам наиболее выдающихся литературных деятелей, и тогда ось эволюции предстает лишь как перечень сведений об употреблении или неупотреблении тех или иных форм. Но можно к проблеме подойти иначе: исходя из найденных посылок универсального развития, фиксировать, на каком этапе язык как бы остановился и какие этапы дальнейшего развития можно для него предсказать. Например, данные большинства языков показывают, что если есть один артикль, то это определенный артикль, что будущее время развивается позднее аористных по значению форм. Со-

вокупность подобных фактов, проанализированная в аспекте определенных коммуникативных установок, может составить набор эволюционных закономерностей.

Следующий круг проблем определяется идеей неравномерности развития языков в коммуникативно-дискурсивном аспекте. Идея различия языков по степени интенсивности диахронического продвижения параллельно идее различия по степени дискурсивной значимости членов одной и той же парадигмы. Здесь предлагаемый принцип, как представляется, может дать интересные результаты. Например, разная степень архаичности синтаксиса в разных типах предложений обнаруживается при анализе употребления частиц. Так, *ли* в русском прямом вопросе уже кажется архаизмом: *Придет ли он сюда?* Эта частица употребляется больше при переспросе или альтернативном вопросе: *Придет ли он сюда или поедет в город?*; *Придет ли он сюда?* *Не знаю*, т. е. в конструкциях с большей степенью пресуппозиции. В придаточном же предложении, синтаксис которого считается более архаичным, частица *ли* вполне нормативна: *Все думаю, придет ли он сюда.*

Сказанное выше о прагматическом коде, когда языки наиболее близки, и о синтаксическом, когда языки максимально различаются, очень близко к идеям, высказанным в 30-е годы В. И. Абаевым о языке как идеологии и языке как технике [35]. Процесс технизации, по В. И. Абаеву (т. е. синтактизации в новых терминах. — *Н. Т.*), есть «универсальный процесс, определяющий линию языкового развития» [35, с. 5], технизация есть универсальный семантический процесс [35, с. 15]. «Для нас формальное, — пишет В. И. Абаев, — это результат технизации того, что когда-то было не формальным, т. е. было идеологическим» [35, с. 6]. В работах С. Д. Кацнельсона находим критику сравнительно-исторического языкознания за недостаток внимания к синтаксису, очень важному для понимания первопричин языковой эволюции [36].

Многое в излагаемой концепции остается все же неясным. Несмотря на резкую критику Хомского и хомскианства [6, с. 1], следует отметить фактическое использование представителями рассматриваемой теории известного правила переписывания высказывания после трансформации (*re-write rule*). В качестве трансформационных циклов при этом выступают эволюционно-диахронические срезы языкового состояния, причем на каждом новом цикле анализируется изменение той или иной формы под давлением коммуникативно-дискурсивных установок. Но все же язык не всегда напоминает пьесу, где на авансцену выходят определенные герои, а остальные в это время остаются в тени. Происходит модификация всего состояния в целом. Поэтому после прочтения литературы вопроса все же остается неясным, что происходит с языком после того, как процесс «синтактизации» уже завершен и наступает эпоха значительных языковых расхождений. Чем объясняются столь явно дивергентные процессы, если принцип коммуникативно-дискурсивного воздействия все равно остается действенным, а универсальность проходимого пути подразумеваемой? Неясным остается и многое в том, что касается порядка слов, сводимого только к трем компонентам и потому обедненного. Хотя кажутся перспективными идеи о том, что не все члены парадигмы изменяются одновременно и что грамматически отдаленные классы при каждом изменении цикла могут связываться в категориальный пучок на синтагматической оси, неопределенным остается количественный порог, согласно которому можно считать данный язык прошедшим то или иное состояние. Затруднительно также каждый шаг языковой эволюции объяснять исключительно дискурсивной интенцией. Здесь необходимо заметить, что, анализируя указанные сборники, мы до сих пор не акцентировали существенный для их общей оценки факт. Дело в том, что в этих работах нигде не говорится о причинах языковой эволюции, вызываемых самой языковой системой как таковой. В этом плане указанные работы отличаются даже от учебных пособий по истории языков, где говорится о компенсаторных процессах, о развитии по аналогии, заполнении пустых клеток в системе, мене функций при выпадении членов парадигмы и т. д.

Непоследовательность анализируемой концепции, видимо, в определенной мере можно объяснить двойственной природой языковой системы: многое в языковом развитии определяется коммуникативной установкой говорящего; в то же время столь же многое определяется внутренней эволюцией языковой системы. Таким образом, систему языка можно представить в виде шкалы с двумя полюсами — максимально коммуникативным, с ареной основного действия в виде синтаксиса, и максимально системным и автономным (с ареной в виде корнеслов и фонетики). К последней зоне всегда тяготело сравнительно-историческое языкознание, к первой — эволюционная типология указанного типа. Вероятно, взятые как крайние, компаративистская концепция Ф. Боппа и натуралистическая концепция А. Шлейхера имеют реальные основания, проецируясь на такую сложную систему, как язык. Поэтому в заключение хотелось бы присоединиться к словам В. И. Абаева: «В языке не так все просто: конкретные формы взаимодействия двух видов закономерностей (языковой идеологии и закономерности языковой техники) допускают такое беспредельное многообразие языковых типов, что уложить их в какую-либо упрощенную схему — задача совершенно неосуществимая и просто ненаучная» [35, с. 10] или к словам современного американского лингвиста: «Итак, языки могут модифицироваться только в те языковые типы, которые диктуются универсальной грамматикой. Однако они не свободны в том, чтобы переходить от одного человеческого языка к другому; им позволено это делать лишь в пределах морфосинтаксических устройств (patterns), которые они наследуют или видоизменяют» [37].

Приняв эти положения, можно при этом представить на обсуждение и ту, достаточно цельную концепцию, о которой говорилось выше, — как определенное знамение времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик А. Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
2. Николаева Т. М. Вопросы общей лингвистики в работах Д. Болинджера. — ВЯ, 1964, № 1.
3. Word order and word order change. Ed. by Li Ch. Austin, 1975.
4. Subject and topic. Ed. by Li Ch. New York — San Francisco — London, 1976.
5. Mechanisms of syntactic change. Ed. by Li Ch. Austin, 1977.
6. Givón T. On understanding grammar. New York — San Francisco — London, 1979.
7. Syntax and semantics. V. 12: Discourse and syntax. Ed. by Givón T. New York, 1979.
8. Langacker R. W. — Language, 1981, v. 57, № 2. — Rec.: Givón T. On understanding grammar. New York. — San Francisco — London. 1979.
9. Green G. M. — Language, 1982, v. 58, № 3. — Rec.: Syntax and semantics. V. 12. New York, 1979.
10. Ли Ч. Н. и Томпсон С. Подлежащее и топик: новая типология языков. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
11. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
12. Бехерт И. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
13. Givón T. Topic, pronoun and grammatical agreement. — In: Subject and topic, p. 154.
14. Сэнур Э. Язык. М. — Л., 1934, с. 95.
15. Lightfoot D. W. Principles of diachronic syntax. London — New York — Melbourne, 1979, p. 165.
16. Якобсон Р. В поисках сущности языка. — Сб. переводов по вопросам информационной теории и практики, 1970, № 16.
17. Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
18. Langacker R. W. Syntactic reanalysis. — In: Mechanisms of syntactic change.
19. Lehmann W. P. From topic to subject in Indo-European. — In: Subject and topic.
20. Justus C. F. Relativization and topicalization in Hittite. — In: Subject and topic.
21. Friedman L. A. The manifestation of subject, object and topic in the American sign language. — In: Subject and topic.
22. Becker A. L. The figure a sentence makes: an interpretation of a classical Malay sentence. — In: Syntax and semantics.
23. Markey T. L. Deixis and the U-perfect — The journal of Indo-European studies, 1979, v. 7, № 1—2.
24. Timberlake A. L. Reanalysis and actualization in syntactic change. — In: Mechanisms of syntactic change.

25. *Chung S.* On the gradual nature of syntactic change.— In: *Mechanisms of syntactic change.*
26. *Langdon M.* Syntactic change and SOV structure. The Yuman case.— In: *Mechanisms of syntactic change.*
27. *Dixon R. M. W.* The syntactic development of Australian languages.— In: *Mechanisms of syntactic change.*
28. *Chafe W.* The evolution of third person verb agreement in the Iroquoian languages.— In: *Mechanisms of syntactic change.*
29. *Givón T.* The drift from VSO to SVO in Biblical Hebrew.— In: *Mechanisms of syntactic change.*
30. *Bolinger D.* Pronouns in discourse.— In: *Syntax and semantics.*
31. *Anderson St.* On mechanisms by which languages become ergative.— In: *Mechanisms of syntactic change.*
32. *Anderson St.* On the notion of Subject in Ergative languages.— In: *Subject and topic.*
33. *Haas M.* From auxiliary verb phrase to inflectional suffix.— In: *Mechanisms of syntactic change.*
34. *Steele S.* Clisis and diachrony.— In: *Mechanisms of syntactic change.*
35. *Абаев В. И.* Еще о языке как идеологии и как технике.— В кн.: *Язык и мышление.* Т. 6—7. Л., 1936.
36. *Кацнельсон С. Д.* Номинативный строй речи. I. Атрибутивные и предикативные отношения. Л., 1939.
37. *Joseph B.* Linguistic universals and syntactic change.— *Language*, 1980, v. 56, № 2, p. 368.